

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

РОССИЙСКОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ: ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В ДИСКУРСЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ

Николай Иванович Руденко^а (diogenstyx@gmail.com),
Андрей Дмитриевич Бекреев^б

^аСоциологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН;
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

^бНезависимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Руденко Н.И., Бекреев А.Д. (2018) Российское программное обеспечение: дискурсивное конструирование технологической политики в дискурсе официальных лиц. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(4): 203–223. <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.9>

Аннотация. Рассматривается дискурсивное оформление понятия «российское программное обеспечение» в 2014–2017 гг. в речи официальных лиц государства. Для анализа дискурсивного оформления используется подход правительности М. Фуко, получивший развитие в постфуколдианстве. Этот подход позволяет, во-первых, сделать объектом анализа сам процесс дискурсивного оформления и конструирования некоторого понятия через диалектику проблематизации-разрешения проблемы. Во-вторых, он обращает внимание на конкретные (бюрократические) практики и технологии, которые используются для воплощения артикулированных дискурсов для создания условий управления поведением подконтрольных акторов. Процесс дискурсивного оформления в языке официальных лиц позволяет проследить за тем, какие основные проблемы конституируются как наиболее важные для государства в отношении российского программного обеспечения и какие дискурсивные стратегии используются для создания такого понятия (в т. ч. закрепленного юридически), которое позволит разрешить эти проблемы. В случае российского программного обеспечения мы выделяем четыре основных дискурсивных стратегии: безопасность (российское ПО как не способное вредить государственному и частному сектору, более лояльное к государству), геополитика (российское ПО как незападное ПО, по крайней мере неамериканское, как продолжение геополитических интересов России), протекционизм (российское ПО как незамечаемое и менее популярное по сравнению с иностранным, которое нужно поддержать финансово и административно), эффективность (российское ПО как ничем не отличающееся от любого другого, которое в той же мере управляется рыночными законами). В заключительной части статьи мы показываем, как с течением времени, правовым оформлением и созданием реестра российского программного обеспечения происходит увеличение роли правительства,

нарастание жестких мер по отношению к работе реестра, расширение списка акторов, на которые распространяется действие российского программного обеспечения и его реестра, закрытие экспертизы и в целом информации о внутреннем процессе отбора в реестр и закрепление дискурсивных стратегий протекционизма и безопасности как основных.

Ключевые слова: российское программное обеспечение, правительственность, дискурсивное оформление, официальные лица, реестр российского программного обеспечения, технологическая политика.

Введение

Российские программисты сегодня востребованы во всем мире. Европейские и американские компании с удовольствием нанимают выходцев из стран бывшего СССР, поскольку среди компаний существует представление об особом и уникальном математическом образовании в России (Bardhan, Kroll 2006). Также совсем недавно группа исследователей из Европейского университета в Санкт-Петербурге провела глобальное исследование российских программистов в России и за рубежом, и подробно рассказала об их популярности (Russian computer scientists 2017; Biagioli, Lepinay 2019).

В отличие от программистов, понятие «российское программное обеспечение»* (его еще иногда называют «отечественным») возникло совсем недавно, вместе с появлением «единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных» (Единый реестр российских программ 2017). Министерство связи и массовых коммуникаций РФ в союзе с Ассоциацией производителей программного обеспечения «Отечественный софт» реализовало идею создания реестра в рамках политики импортозамещения. Также на это решение повлияла новая обстановка вокруг понятия информационной безопасности, которая сравнительно недавно получила новые коннотации, в том числе политические, в связи с принятием новой доктрины информационной безопасности в конце 2016 г.

Ситуация санкций, когда европейские государства и США ограничили торговые контакты с Россией для ряда компаний, также привела к опасениям со стороны правительства России по поводу возможных отключений иностранных систем программного обеспечения, что грозило бы прекращением работы органов государственных власти и коммерческих компаний. В этом контексте создание реестра выглядит логичным

* Далее по тексту — РПО или российское ПО.

шагом в рамках стратегии создания «благоприятных условий» для развития отечественного рынка информационных технологий*. Согласно законодательству, государственные и муниципальные органы (а также частично государственные корпорации) обязаны выбирать продукты российских производителей для своих нужд, и только при их отсутствии в реестре покупать иностранное программное обеспечение. Разумеется, российские ИТ-компании в полной мере поддерживают эту идею, поскольку она пересекается с их интересами — попадание в реестр означает серьезное преимущество перед иностранными конкурентами, так как государственные организации будут обязаны отдавать предпочтение именно «отечественному» ПО.

Как социальные исследователи, мы должны обратить внимание на то, что российское программное обеспечение — это совсем недавнее изобретение, которого не существовало еще несколько лет назад. Его возникновение в дискурсивной (законы, постановления, приказы, комментарии экспертов, чиновников, СМИ, обсуждение в социальных сетях) и материальной (реестр) форме — это событие, истоки и развитие которого необходимо проследить и социальные условия производства которого выяснить.

Процесс создания реестра представляет собой достаточно типичную ситуацию в российском политическом пространстве. В дискуссии по поводу создания реестра участвовал довольно широкий круг авторов, представляющих государство, силовые структуры, гражданское общество, частный рынок ИТ и др. То, к чему пришла дискуссия и каким получился реестр, а также то, каким способом этот процесс был легитимизирован, позволяет выявить нам ряд особенностей функционирования российской государственной политики. По сути, описываемый нами процесс является лакумозной бумажной событий, проходящих в российском обществе на стыке политики, частного рынка и гражданского общества.

Таким образом, для того чтобы получить наиболее полную картину столь значимого и показательного процесса, мы должны задаться следующими вопросами: какие основные социальные акторы участвовали в создании понятия «российское программное обеспечение» (и сопутствующего реестра)? Какие интересы они преследовали? В какой форме проект «российского программного обеспечения» оформлялся публично и законодательно? Также мы стремимся ответить на вопрос, с помощью каких дискурсивных стратегий формировалось понятие РПО?

* Далее по тексту — ИТ.

Технологическая политика через призму теории правительности

Государственное регулирование технологий

О регулировании и управлении технологиями на государственном уровне сегодня пишут довольно много. Недостаток литературы в целом в этой области состоит в том, что она поднимает очень разные темы, и авторам статьи не удалось обнаружить единства структуры в анализе. Это, вероятно, пересекается с комплексностью самого объекта, где технологическая политика может отсылать и к протекционистским мерам, и к созданию новых регулятивных рамок, и к патентной политике, и к национальной безопасности (Kani, Motohashi 2011; Tao 2010; Schware 1987). В отсутствие единства аналитической рамки отметим работы, которые показались наиболее близки нашему проекту. В статье «Оценивая влияние государственного регулирования на ИТ-индустрию. Перспектива неинституциональной теории» авторы проводят связь между политикой национальной безопасности в США (после 11 сентября 2001 г.) и политикой регулирования ИТ-сферы (Mishra, Chin 2008). Они отмечают, что после террористических атак США выработали ряд законопроектов, которые предусматривали увеличение контроля со стороны государства и конкретно спецслужб за деятельностью ИТ-компаний и ИТ-отделов в крупных компаниях, в том числе банках. В итоге это привело к стандартизации и гомогенизации деятельности ИТ-компаний, что авторы считают хорошим знаком, поскольку сфера ИТ страдает, по их мнению, от слишком большого разнообразия бизнес- и операционных практик. Эта статья важна для нас, поскольку подчеркивает влияние идеи и политики национальной безопасности на изменение индустрии ИТ. В другой статье, «Индустриальные R&D как национальная стратегия развития: горизонтальные технологические стратегии и эволюция отношений индустрии и государства и рост израильской софтверной индустрии», рассказывается о том, почему Израиль решил вкладываться в стратегию горизонтального планирования науки и технологий и почему это оказалось успешным вложением (Breznitz 2007). Суть стратегии в том, что государство старается вызывать исследовательскую (R&D) активность частных компаний, и при этом оно не избирательно в отношении конкретных способов вызывать эту активность, а скорее его усилия направлены на появление как можно большего количества исследовательской активности в частных компаниях. Автор отмечает, что акцент на исследовательскую составляющую был сделан в Израиле в результате понимания, что многие продукты будут реализованы не в своей стране, а в США, и, таким образом, развитие собственной ИТ-индустрии в Израиле не главная задача. В статье важен

контекст международных отношений и его влияние на создание регуляторной рамки для внутренней индустрии. Собственно, именно это составляет, на наш взгляд, важную рамку для размышления об управлении ИТ-индустрией: в силу глобального характера ИТ в целом, каким образом государство определяет отношения между глобальным рынком и развитием внутренней индустрии? В качестве примера можно привести работу о румынском рынке ИТ, которая отмечает, что сегодня одна из главных задач румынского государства состоит в поддержании внутренних производителей в определенных нишах (Grundey, Heeks 1998).

Правительственность в области ИТ

В отсутствие общей рамки в исследованиях технологического и регулирования ИТ-индустрии, авторы статьи решили обратиться к подходу, который был бы наиболее полезен для ответа на наш вопрос, как на дискурсивном уровне было создано понятие, позволившее затем управлять теми компаниями и продуктами, которые оно описывало. Мы полагаем, что подход правительности (*governmentality*), ведущий свою генеалогию от работ Мишеля Фуко, подходит для наших целей лучше всего.

Основная идея Фуко, как мы ее понимаем в работе, сводится к тому, что начиная с Нового времени власть (государственная и отдельных социальных групп) изменила режим своего влияния на общество: от модуса суверенитета она перешла к модусу управления населением, включая его биологические и производительные характеристики (Фуко 2003). Задача власти сводится не только к тому, чтобы навязывать свою волю, но и к тому, чтобы продуктивно управлять населением, создавать условия для формирования определенных типов поведения и представления о мире. Это достигается через совмещение двух аспектов производства властных стратегий: во-первых, через дискурсивное поле, «в котором действия власти рационализируются, т.е. поле, в котором проблемы управления идентифицируются и предлагаются определенные решения». В этом отношении «...правительственность нужно анализировать как практики формулирования и обоснования идеализированных схем репрезентации реальности, их анализа и настройки — как своеобразную интеллектуальную машинерию или аппарат, благодаря которому реальность начинает мыслиться так, словно она поддается политическому программированию» (Роуз 2008: 196).

Во-вторых, это поле «актуальных практик действия (*interventionist practices*), которые артикулируются в специальных программах и техниках». С помощью этих программ и техник индивиды и группы в общества управляются в соответствии с легитимированными рациональностями

власти (Mckee 2009: 466). В этой мысли видна одна особенность парадигмы Фуко — акцент на техниках и средствах управления. Как отмечает Макки, отвергается любая «эссенциалистская» субъективность (национальная, гендерная, политическая) ради фокуса на историческом конструировании субъектов. Это конструирование происходит за счет определенной канализации поведения, или, более точно, за счет создания властью «пространства возможности» для действия и размышления тех, кем она управляет (Дин 2016).

Российские исследователи также используют концепцию правительности (*governmentality*) и так же, как и в мировом сообществе, здесь нет единого подхода. Важно уделить внимание отечественным источникам, так как в данный момент нельзя сказать, что в российском научном поле имеется общая традиция использования концепта (Бетева 2011; Руднев 2015; Хестанов 2009). Отдельной проблемой является отсутствие единого перевода самого термина “*governmentality*”. Ввиду ограничений данной работы подробно мы остановимся лишь на самых интересных для нас. Так, в работе «Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства» (Гуриная 2014) автор использует термин «управленчество», для того чтобы проследить трансформацию уголовной политики США и Великобритании (как «законодателей моды» в этой сфере для англоязычного мира), которая происходила вследствие распространения неолиберальных подходов. В частности, способ, которым автор деконструирует изменение «управленчества» в сфере, касающейся безопасности, а также с помощью которого анализируется роль государственных и негосударственных структур, во многом напоминает наше исследование, так как в процессе создания РПО также были задействованы государственные и негосударственные структуры, а речь идет о национальной безопасности.

Отдельного упоминания заслуживает антропологическая работа «Рукописное письмо как практика российской правительности» (Гаазе 2016), в котором автор демонстрирует, как повседневные специфические практики российских чиновников складываются в «правительность». Исследование интересно не только уникальным объектом (практиками письма), но и глубоким анализом истории вопроса а также самой концепции “*governmentality*”, которую автор преобразуют для своего антропологического подхода.

Стоит отметить, что мы не обнаружили работ по подходу правительности к управлению технологической политикой ни в российской, ни в зарубежной литературе. Работы, в которых используется подход правительности и упоминаются технологии, в основном посвящены тому, как

цифровые технологии используются для создания более тонких и более незаметных способов властного управления, характерных для либерального государства (Henman 2010; Garrido 2015; Leclercq-Vandelannoitte, Emmanuel 2018). В этом плане мы оставляем за собой право опираться на подход правительности максимально широко.

Подход правительности* к исследованию технологической политики, на наш взгляд, может быть чрезвычайно полезен. Он предлагает двойной фокус на дискурсивном оформлении понятий и их материальном, практическом воплощении для управления поведением определенного набора акторов. Материальное воплощение РПО в виде реестра мы оставим для другой статьи, а здесь сосредоточимся на дискурсивном оформлении. В нашем случае РПО (и сопутствующее ему понятие реестра РПО) — это искусственно-созданное понятие, которое решает конкретные проблемы управления поведением технологических компаний, чиновников, а также членов ИТ-сообществ.

Методология и данные

В качестве методологии сбора и анализа данных был взят критический дискурс-анализ. Опишем кратко его особенности и отметим причины выбора именно этого метода. В общем виде дискурс — это язык в использовании (Fasold 1990: 65); авторы одного из ведущих сборников по дискурс-анализу отмечают, что дискурс для социальных ученых — это «язык в использовании, соотношенный с социальными, политическими, культурными формациями, это язык, отражающий социальный порядок, но также и язык, формирующий социальный порядок и организующий формы взаимодействия индивидов внутри общества» (Jaworski, Coupland 1999: 3). Критический дискурс-анализ (КДА) отличается от своих «более лингвистических» собратьев тем, что не только описывает использование языка, но и предлагает «средства выражения и деконструирования социальных практик, которые конституируют “социальную структуру” и то, что можно было бы назвать конвенциональными смыслами, структурирующими социальную жизнь» (Ibid.). Мотивация делать КДА заключается в обращении к темам, связанным с социальным неравенством и увековечиванием властных отношений (Ibid.: 5). КДА часто используется в работах, анализирующих политические тексты и тексты стратегий развития (policy). В этом плане данный метод подходит для наших целей —

* В статье мы будем использовать на русском именно этот термин, который более или менее устоялся в российском академическом дискурсе, особенно после перевода книги одного из классика подхода Митчела Дина (Дин 2016).

анализа дискурса официальных лиц (политиков и чиновников), которые участвовали в лингвистическом конструировании понятия «РПО».

Авторы отмечают, что КДА не обладает единым набором процедур операционализации, постановки вопросов, работы с лингвистическими единицами и смыслами (Meyer, Wodak 2009: 23). КДА опирается на теоретические положения, в которых работают авторы, и на теоретическую выборку, когда отбор данных зависит от решения теоретических вопросов. Ранее было сказано, что целью нашей работы является ответить на вопрос, каким образом конструируется понятие «РПО» в дискурсе официальных лиц. При этом мы опираемся на идеи теории правительности, которая отмечает, что дискурс управления предполагает проблематизацию, т.е. фреймирование некоей реальности с акцентом на напряжениях и задачах, а также с фокусом на том, как решить эти задачи. Потому для целей нашего исследования мы обратимся к понятию «дискурсивная стратегия», которое часто используется в КДА. Под дискурсивной стратегией понимаются формы языковой манипуляции «реальностью» со стороны социальных акторов, чтобы достичь определенные цели (Carvalho 2005: 4). Дискурсивная стратегия предполагает переопределение объекта (или актора) для целей говорящего или пишущего. Это в полной мере совпадает с нашей идеей того, что официальные лица стремятся переопределить (создать и трансформировать) понятие РПО с целью выделить в нем проблемы, которые могут быть решены этими официальными лицами, и с целью убедить публику, ИТ-сообщество и другие страны в легитимности подобного переопределения и изменении поведения подопечного объекта. В качестве средств реализации дискурсивных стратегий используются аргументация, отсылки к другим акторам и объектам, контекстуализация ситуации.

В качестве данных исследования были взяты материалы (новости и аналитические статьи) русскоязычных СМИ, посвященные темам российского программного обеспечения, импортозамещения в сфере ПО, создания реестра РПО, государственного регулирования российской ИТ-индустрии, за 2013–2017 гг. Отбор СМИ был связан с теоретической выборкой — наличием высказываний официальных лиц (чиновников и политиков), при этом политическая ангажированность СМИ не бралась в расчет. В итоге был собран корпус новостных и аналитических материалов, который позволил обнаружить повторяющиеся дискурсивные стратегии и выявить динамику их изменения в зависимости от политической и институциональной обстановки в России.

Дискурсивные стратегии конструирования российского программного обеспечения

В 2014 г. российское государство начинает проблематизировать сложившиеся отношения в сфере создания и распространения ПО и указывает на необходимость более безопасного ПО и более лояльных производителей на случай, если напряжение между Россией и странами Европы и США достигнет «пика». Поэтому понятие «российского ПО» создается и закрепляется юридически правительством, чтобы на разных уровнях повлиять на поведение органов государственной и муниципальной власти (проведение тендеров), бизнесменов (создание лояльности) и в целом убедить общественное мнение в четкости границ между российским и иным (иностранном) ПО. В то же время государство советуется с профессиональным сообществом, и дизайн определения российского ПО и способ его конструирования (посредством реестра отечественного ПО) определяется также и российскими ИТ-компаниями. В течение всего процесса разработки и внедрения реестра отечественного ПО государственные чиновники и представители ИТ-компаний пытаются найти некоторый средний всех устраивающий вариант. Можно сказать, что процесс по созданию реестра является попыткой определить четкий объект «отечественного ПО» и главным врагом создателей представляются неясные границы определений. Какое количество иностранного капитала говорит, что фирма недостаточно «российская»? Какие элементы программы имеют право быть иностранными, чтобы само ПО оставалось отечественным?

Для ответа на эти и подобные вопросы официальные лица прибегали к ряду дискурсивных стратегий, которые выделены нами ниже. Эти стратегии часто реализуются в выступлениях и публикациях официальных лиц, которые предполагают различные основания и отличимые принципы российских ПО.

Безопасность. Это понятие пронизывает очень многие публикации, посвященные РПО. Основная идея: иностранные компании-монополисты на рынке ПО могут в любой момент ввести санкции и заблокировать работу софта в российских госорганах и учреждениях (как они это сделали на территории Крыма). Поэтому использовать иностранное ПО небезопасно и его нужно заменить российским. Об этом говорится в Госдуме на обсуждении, и в выступлениях министра связи Н. Никифорова, и в новой доктрине информационной безопасности РФ, выпущенной в конце 2016 г. (так, защита «духовно-нравственных ценностей» упоминается в новой доктрине трижды). Звучат слова о национальной безопасности, которая требует замещения иностранного ПО. При этом российское ПО здесь рассматривается только в пределах национальных границ,

хотя многие успешные российские ИТ-компании имеют зарубежных акционеров, высокие показатели экспорта и штаб-квартиры в США и Европе. Это определение также предполагает допущение, что российские ИТ-компании более лояльны к российскому государству или по крайней мере более контролируемы, чем иностранные, поэтому они национальной безопасности вреда причинить не смогут. Случайные ошибки в коде, недостаточная компетентность, техническая несовместимость, намеренный вред — все это исключается в отношении российских компаний. Также интересно, что эта угроза носит абстрактный характер, практически никогда не превращаясь в нечто конкретное. Угроза угрожает сама по себе.

Геополитика. Тема безопасности близко связана с темой геополитических интересов России, хотя и в перевернутом, зеркальном отражении. Если безопасность говорит о необходимости создания собственной, российской ПО-базы для достижения автономии и зависимости от иностранного ПО, то тема геополитики, наоборот, отмечает необходимость выхода российских компаний на внешний рынок, чтобы противостоять монополии американских и европейских производителей. В течение 2014–2017 гг. министр Никифоров активно пишет не только о реестре, но и о том, что необходимо объединяться с партнерами из ЕАЭС и странами БРИКС для создания отдельного общего рынка ИТ, который будет противостоять однополярному технологическому миру США и Европы. Более того, постановление правительства о создании реестра предполагает возможность вхождения туда разработчиков ЕАЭС и, в свою очередь, выход реестра на рынки стран ЕАЭС. То есть понятие «российское» в ПО здесь преодолевает национальные границы и устремляется на международные (хотя и локальные) рынки. При этом траектории движения на международной арене соответствуют не рыночным траекториям, а геополитическим интересам государства: российское ПО должно быть продолжением российской международной политики. Центры инноваций ИТ (США и Европа) маркируются как находящиеся в монополистических и нежелательных странах и тем самым исключаются как точки интересов. В некоторых местах это даже доходит до определенной стадии «шпиономании», когда министр Никифоров отмечает: «В наших партнерах по ЕврАзЭС мы видим очень активную работу зарубежных, западных компаний, которые, я думаю, будут пытаться воспользоваться этим для проникновения на российский рынок» (В Минкомсвязи будут бороться с западным ПО 2016). В обсуждении в Госдуме отмечается, что иностранные компании намеренно соспутствуют коррупции и теневому бизнесу, что приводит «к финансовым потерям рынка» (Как заместить импорт

в ИТ 2014). И в том, и в другом случае выстраивается определение российского как «не-западного», где западное предстает как негативное и подрывающее или по крайней мере являющееся экономическим и политическим конкурентом.

Протекционизм. Дорожная карта развития ИТ-отрасли, принятая в 2013 г., отмечает необходимость поддержки РПО. В течение нескольких лет с момента своего избрания министр Никифоров и премьер-министр Медведев регулярно выступали с речами о необходимости поддержки отечественных производителей. В начале 2017 г. после длительных переговоров был даже создан специальный фонд для такой поддержки, который субсидирует разработку и внедрение РПО. Само создание реестра порой рисуется как протекционистская мера, позволяющая российским разработчикам получать преференции при закупке. Объясняется это опять же национальными интересами (безопасность) и аргументом, что за деньги российских налогоплательщиков нужно покупать российское ПО. Сама поддержка российских производителей выглядит как благо само по себе, без четкой дифференциации, следует ли помогать крупным компаниям или всем без разбора. В некоторых случаях правительство высказывается за поддержку конкретных компаний. Например, министр Никифоров в октябре 2016 г. говорит о том, что Минкомсвязи будет помогать «продвигать “Мойофис”»^{*} на рынке Китая, Индии, Бразилии и других стран. «Мы будем выталкивать наши компании на внешние рынки — иначе мы не сможем сделать полноценных игроков» (Минкомсвязь будет продвигать российское ПО 2016). В конце 2013 — начале 2014 г. Никифоров также затрагивал случай запрета ПО «Лаборатории Касперского» в Китае, отмечая, что подобный запрет нежелателен для обоюдных отношений стран. В отличие от геополитики, где основной упор делается на том, что российский софт должен стать техническим продолжением международной политики государства, в протекционизме фокус смещается на разработчиков и само ПО и следует скорее рыночной логике. Необходимо поддерживать российские компании, чтобы они стали «полноценными игроками» на международных рынках. В начале 2017 г. министр Никифоров также отмечает, что экспорт российских ПО составил за 2016 г. 7 млрд долл. Это довольно высокий показатель (Минкомсвязь предлагает меры 2016). Таким образом, протекционизм со стороны государства выглядит также как продуманная инвестиционная стратегия. Как и в случае с геополитикой и безопасностью, российские компании представляются более лояльными и более контролируемыми, чем иностранные. Потому рас-

* Линейка продуктов компании «Новые облачные технологии».

ширение их экономической деятельности можно считать и увеличением политических возможностей самого государства.

Эффективность. Последняя дискурсивная стратегия оформления понятия «российское» в РПО — это указание на то, что российское ничем не отличается от любого другого и что «закупки российского софта возможны лишь там, где есть конкуренция среди отечественных производителей» (Госкомпании не могут немедленно перейти на российское ПО 2016). То есть данная позиция предлагает ориентироваться на эффективность как на основополагающий принцип определения того, что необходимо закупать, и тем самым не важно, российской или иностранной является компания. Эта стратегия возрастает там, где госорганы или учреждения нуждаются в конкретных эффективно-работающих технологических системах, т.е. где сильна зависимость от высокотехнологичных решений, которые, в свою очередь, определяют и коммерческий успех. Ситуация с госкомпаниями, которые выступили с обоснованной критикой невозможности повсеместного перехода на российское ПО в середине 2016 г., как раз отражает эту позицию. Например, вице-президент Сбербанка Никита Волков говорил о том, что «ограничение <закупок иностранного ПО> повредит конкуренции и поставит госкомпании в неравные условия с коммерческими организациями, которые вольны закупать то, что считают нужным. Особенно пострадают банки и страховые компании... они сильно зависят от передовых IT-технологий и остро конкурируют между собой» (Сбербанк выступает против ограничения закупок 2016). Интересно отметить в этом мнении латентное проговаривание того, что в общем отечественное ПО является неэффективным и неконкурентоспособным, что и вызывает страх госкомпаний его приобретения.

После анализа этих четырех стратегий: безопасности, геополитики, протекционизма и эффективности, — можно заметить, что они могут использоваться одними и теми же официальными лицами. В какой-то степени эти четыре стратегии выстраиваются в континуум, на одной стороне которого — бизнес-интересы, а на другом — государственные. В этом плане обращение к ним характеризует ситуацию осцилляции между разными вариантами реализации проекта создания понятия РПО и реестра. Далее мы попытаемся нарисовать динамическую картину того, как со временем происходило нарастание роли государства в определении проекта РПО и падение значимости ИТ-бизнеса и профессионального сообщества, т.е. как стратегии определения РПО через эффективность сменились стратегиями его определения через безопасность и геополитические интересы.

Тенденции изменения дискурса в управлении российским программным обеспечением

Дискурсивное оформление создания реестра, как мы показали в предыдущем параграфе, выглядит противоречиво из-за конфронтирующих взглядов и изменения собственной позиции одними и теми же лицами в разных выступлениях и публикациях. Однако можно выделить общий временной тренд в определении, создании и контроле РПО и реестра. Мы попытаемся определить этот тренд через серии переходов от одних принципов и программ действий к другим. Этот переход совершался на протяжении 2014–2017 гг. и не закончился до сих пор.

От мягкого регулирования к жестким мерам. От рассмотрения реестра как компромиссной меры поддержки РПО и «мягкой формы регулирования» происходит переход к обязательному переходу на российское ПО через закупки и ценовые преференции. Более того, говорится, что госучреждения, которые продолжают закупать иностранное ПО, ФАС и Минкомсвязь будут «ловить за руку». Министр Никифоров также выступает за очищение нормативных актов от требований, которые предполагают закупку иностранного ПО (например, требования использовать иностранные шрифты, такие как Times New Roman). В октябре 2016 г. вводится программа полного перехода Налоговой службы на российское ПО, за которой последуют программы перехода и других ведомств. Наконец, майские инициативы по сбору 5 % с госкомпаний, которые продолжают закупать иностранное ПО, говорит о том, что мягкие меры (до этого предполагалось поощрять руководителей госкомпаний за покупку РПО /Советы директоров госкомпаний 2016/) не сработали.

От эффективности к протекционизму и безопасности. Принцип эффективности, о котором мы ранее сказали, постепенно исчезает. Хотя в 2016 г. о нем продолжают говорить (например, пресс-секретарь президента Д. Песков или представители госкомпаний), но вперед выходят принципы государственной поддержки и безопасности. Появляется аргумент «российские налоги должны идти на закупку РПО», при этом не идет речь о качестве такого ПО. Хотя понятие «технических и эксплуатационных» характеристик вписывается в функционирование реестра и при закупке представители госорганов могут указать на то, что российский аналог им не подходит, но в описании продуктов часто отсутствует информация об этих характеристиках и требуется время, чтобы в них разобраться.

От широких требований к узким спецификациям. Постепенно происходит переход от наиболее широких определений РПО (согласно по-

становлению правительства № 1236) к специализированным, которые прописывают не то, что чиновники могут закупать, а то, что могут использовать на своих рабочих местах. Прописывание узких требований предполагает более высокие ожидания соответствия, что часто ограничивает возможность разработчиков ПО претендовать на поставки.

От открытой экспертизы к закрытой экспертной площадке. Происходит переход к более замкнутой системе принятия решений. Если до апреля 2017 г. эксперты могли делиться результатами заседания экспертной комиссии, а также публично обсуждать эти результаты, то после апреля они теряют такую возможность. Поскольку оператор реестра и Минкомсвязи не дают объяснений, почему то или иное ПО не было включено в реестр, закрытие результатов экспертного совета еще более делает непроницаемыми принципы и политику работы реестра.

От первенства профессиональных ассоциаций к доминированию правительства. На этапе определения ПО и разработки поправок в законопроект и постановление профессиональные ассоциации, прежде всего «Отечественный софт» и «Руссофт», играли большую роль. На сайте «Отечественного софта» утверждается, что идея реестра изначально принадлежала именно им и что до появления государственного реестра они уже начали вести собственный и затем передали его Минкомсвязи. Министр Никифоров отмечает, что шаг в сторону более жестких мер по поддержке РПО (ценовые преференции, суды за покупку иностранного ПО) были предложены именно представителями IT-бизнеса, как и требование закупок РПО госкомпаниями. Как мы видим, роль ассоциаций довольно велика. Однако начало 2017 г. ознаменовано действиями правительства, которые снижают статус и роль профессиональных ассоциаций. Это, как уже говорилось, выражается в идее ротации экспертного совета на треть каждый год (что, конечно, лишает профессиональные ассоциации власти принимать решение по поводу включения в реестр), закрытый характер заседаний (что отнимает возможность более широкого обсуждения в профессиональной сфере), требование при заявке на включение в реестр присылать экземпляры исходного кода программы (данная инициатива была раскритикована профессиональными ассоциациями /Российских программистов обяжут 2017/) и идея «крымской поправки», которая будет требовать от РПО функционирования на территории всей Российской Федерации.

От федеральных и муниципальных органов власти к госучреждениям и госкомпаниям. Этот переход связан с расширением действия реестра РПО не только на органы власти, но и на госучреждения (детские сады, больницы и т.д.) и госкомпаниями. Несмотря на то что госкомпаниями

пока отстояли возможность не закупать полностью российское ПО, российское правительство инициирует новые предложения, которые пытаются заставить их покупать РПО.

От программного обеспечения к микроэлектронике. Данный переход оговаривался еще в 2014 г., когда заместитель начальника Центра ФСБ Николай Мурашов отметил, что в национальных интересах импортозамещение ПО необходимо проводить совместно с налаживанием отечественного производства собственной «аппаратной базы» (Как заместить импорт в ИТ 2014). В феврале 2017 г. премьер-министр еще раз вернулся к этому вопросу и отметил, что использование российской микроэлектроники — это вопрос суверенитета и безопасности (Госкомпании переведут на российское программное обеспечение 2017). Расширение импортозамещения на аппаратное обеспечение понятно в свете того, что госорганы закупает не только ПО для вычислительных машин, но и многочисленные устройства с уже встроенным ПО, предназначенным специально для этих устройств. И реестр на подобные случаи не распространяется (Гурин 2016).

Заключение

Мы рассмотрели процесс дискурсивного оформления понятия «российское программное обеспечение» в 2014–2017 гг. Этот процесс опирался, на наш взгляд, на четыре дискурсивные стратегии: безопасность (российское ПО как неспособное повредить государственному и частному сектору, более лояльное к государству), геополитика (российское ПО как незападное ПО или даже неамериканское, как продолжение геополитических интересов России), протекционизм (российское ПО как незамечаемое и менее популярное по сравнению с иностранным, которое нужно поддержать финансово и административно), эффективность (российское ПО как ничем не отличающееся от любого другого, которое в той же мере управляется рыночными законами). Эти стратегии позволили не только дискурсивно создать само понятие РПО, но и сконструировать контексты его легитимации и использования. На ранних этапах своего существования понятие РПО было контроверзивно и включало разные дискурсивные стратегии. Это связано с тем, что в его формировании, а также в создании сопутствующего ему реестра РПО участвовали разные акторы: правительство, Госдума, администрация президента, госкомпании, представители российских IT-компаний и их ассоциации. После правового оформления и создания реестра понятие РПО начало постепенно сужаться и обретать конкретные формы. В рамках этого процесса мы видим, что происходит увеличения роли правительства, нарастание жестких мер по отношению к работе реестра, увеличение охвата

акторов, на которые распространяется действие РПО и его реестра, закрытие экспертизы и в целом информации о внутреннем процессе отбора в реестр и закрепление дискурсивных стратегий протекционизма и безопасности как основных.

Несмотря на то что сравнение дискурсивных практик, складывающихся вокруг других российских проектов федерального уровня, это повод для другой исследовательской работы, на наш взгляд, процессы, описанные нами, являются показательными. Мы исходим из того предположения, что при всей уникальности феномена реализации такого проекта, как РПО, практики, которые в конечном итоге привели к созданию реестра, являются отражением особого типа сложившейся в России правительности, который мы попытались описать. Тем не менее то, насколько описанная нами правительность, проявившаяся в процессе разработки реестра, репрезентативна, — вопрос открытый для дискуссии.

Литература

Бетева Н.В. (2011) Введение в проблематику управленитета. *Грамота*. 2011, 8: 32–34.

Гаазе К.Б. (2016) Рукописное письмо как практика российской правительности. *Социология власти*, 28(4): 104–131.

Гурин О. (2016) Практика применения постановления Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236: передовая линия импортозамещения. *Аукционный вестник*, 303 (08.253): 1–2.

Гуринская А.Л. (2014) Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства. *Теории и проблемы политических исследований*, 1–2: 13–39.

Дин М. (2016) *Правительность: власть и правление в современных обществах*. М.: Издат. дом «Дело»; РАНХиГС.

Роуз Н. (2008) Управление «развитыми» либеральными демократиями. *Логос*, 69(6): 191–216.

Руднев Ю.В. (2015) Два тела Фуко (очерк современного состояния Foucault Studies). *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*, 79(4): 48–68.

Фуко М. (2003) Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). *Логос*, 39(4–5): 4–22.

Хестанов Р. (2009) Либеральное правительство: технологии управления. *Пушкин*, 3: 129–138.

Bardhan A., Kroll C. (2006) Competitiveness and an emerging sector: The Russian software industry and its global linkages. *Industry and Innovation*, 13(1): 69–95.

Biagioli M., Lepinay V. (eds.) (2019) *From Russia with Codes: programming migrations in Post-Soviet times*. Durham: Duke University Press (forthcoming).

Breznitz D. (2007) Industrial R&D as a national policy: Horizontal technology policies and industry-state co-evolution in the growth of the Israeli software industry. *Research Policy*, 36 (9): 1465–1482.

Carvalho A. (2005) Representing the politics of the greenhouse effect: Discursive strategies in the British media. *Critical Discourse Studies*, 2(1): 1–29.

Fasold R. W. (1990) *The sociolinguistics of language*. Oxford: Blackwell Publ.

Garrido M.V. (2015) Contesting a biopolitics of information and communications: The importance of truth and sousveillance after Snowden. *Surveillance & Society*, 13(2): 153–167.

Grundey M., Heeks R. (1998) *Romania's hardware and software industry: Building IT policy and capabilities in a transitional economy*. Institute for Development Policy and Management, University of Manchester [<http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/nispacee/unpan015536.pdf>] (дата обращения: 22.07.2018).

Henman P. (2010) Social Policy and Information Communication Technologies. In: Martin J., Hawkins L. (eds.) *Information Communication Technologies for Human Services Education and Delivery: Concepts and Cases*. USA: Information Science Reference: 215–229.

Jaworski A., Coupland N. (eds.) (1999) *The Discourse Reader*. L.; N.Y.: Routledge.

Kani M., Motohashi K. (2011) Does pro-patent policy spur innovation? A case of software industry in Japan. In: *Technology Management Conference (ITMC)*. San Jose, California USA: IEEE International: 739–744.

Leclercq-Vandelannoitte A., Emmanuel B. (2018) From sovereign IT governance to liberal IT governmentality? A Foucauldian analogy. *European Journal of Information Systems*, 27(3): 326–346.

McKee K. (2009) Post-Foucauldian governmentality: What does it offer critical social policy analysis? *Critical social policy*, 29(3): 465–486.

Meyer M., Wodak R. (2009) Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. In: Meyer M., Wodak R. (eds.) *Methods of critical discourse analysis*. L.: Sage Publications: 1–33.

Mishra S., Chin A.G. (2008) Assessing the Impact of Governmental Regulations on the IT Industry: A Neo Institutional Theory Perspective. In: Subramanian R. (ed.) *Computer Security, Privacy and Politics: Current Issues, Challenges and Solutions*. USA: IRM Press: 36–54.

Schwartz R. (1987) Software industry development in the Third World: Policy guidelines, institutional options, and constraints. *World Development*, 15(10–11): 1249–1267.

Tao Z. (2010) On fiscal policies for improving the independent innovation ability of IT industry in China. In: *Future Information Technology and Management Engineering (FITME)*. Leicestershire, United Kingdom: IEEE International: 342–344.

Источники

Сбербанк выступает против ограничения (2016). Сбербанк выступает против ограничения закупок иностранного софта. *Ведомости* [<http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/05/24/642135-sberbank-vistupaet-protiv-ogranicheniya-zakupok-inostrannogo-softa>] (дата обращения: 21.09.2017).

Советы директоров госкомпаний (2016) Советы директоров госкомпаний будут поощряться за закупку технологий в России. *Ведомости* [<https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/03/29/635469-soveti-direktorov-goskompanii-mogut-pooschryat-zakupku-tehnologii-rossii>] (дата обращения: 21.09.2017).

Российских программистов обяжут (2017) Российских программистов обяжут сдавать код программ в Минкомсвязи. *Известия* [<http://izvestia.ru/news/672685>] (дата обращения: 21.09.2017).

Госкомпании переведут на российское программное обеспечение (2017) Комсомольская правда [<http://www.kp.ru/daily/26645/3665533>] (дата обращения: 21.09.2017).

Единый реестр российских программ (2017) Единый реестр российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных. *Министерство связи и массовых коммуникаций РФ* [<https://reestr.minsvyaz.ru>] (дата обращения: 21.09.2017).

В Минкомсвязи будут бороться с западным ПО (2016) В Минкомсвязи будут бороться с западным ПО в отношении системы госзакупок. *РИА-новости* [<https://ria.ru/technology/20161024/1479840159.html>] (дата обращения: 21.09.2017).

Минкомсвязь предлагает меры (2016) Минкомсвязь предлагает меры для поддержки отечественного ПО. *РИА-новости* [<https://ria.ru/economy/20160330/1399911901.html>] (дата обращения: 21.09.2017).

Минкомсвязь будет продвигать российское ПО (2016) Минкомсвязь будет продвигать российское ПО на глобальные рынки. *3dNews* [<https://3dnews.ru/940056>] (дата обращения: 21.09.2017).

Как заместить импорт в ИТ (2014) Как заместить импорт в ИТ: мнения разделились. *CNews* [http://www.cnews.ru/news/top/kak_zamestit_import_v_it_mneniya_razdelilis] (дата обращения: 21.09.2017).

Russian Computer Scientists at Home and Abroad (2017) [<http://rcsproject.tk>] (дата обращения: 21.09.2017).

Госкомпании не могут немедленно перейти на российское ПО (2016) Госкомпании не могут немедленно перейти на российское ПО без риска останова ИТ-систем. *SecurityLab* [<http://www.securitylab.ru/news/483159.php>] (дата обращения: 21.09.2017).

RUSSIAN SOFTWARE: DISCURSIVE STRATEGIES FOR THE FRAMING OF THE TECHNOLOGY POLICY IN THE DISCOURSE OF THE OFFICIAL AUTHORITIES

Nikolay Rudenko^a (diogenstyx@gmail.com), *Andrey Bekreev*^b

^aThe Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia

^bIndependent researcher; Saint Petersburg, Russia

Citation: Rudenko N., Bekreev A. (2018) Rossiyskoye programmnoye obespecheniye: diskursivnoye konstruirovaniye tekhnologicheskoy politiki v diskurse ofitsial'nykh lits [Russian software: discursive strategies for the framing of the technology policy in the discourse of the official authorities]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(4): 203–223 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.4.9>

Abstract. In the article we consider the discursive shaping of the notion “Russian software” in 2014–2017 in the discourse of the Russian official authorities. For the analysis we draw upon the approach of M. Foucault and post-Foucauldian scholars. The approach allows one to investigate the process of discursive shaping and constructing of the certain notion through the dialectics of problematization-solving a problem. Secondly, it pays attention to the concrete (bureaucratic) practices and technologies, which are deployed for implementation of articulated discourses for control the conduct of different actors. We deploy critical discourse analysis methodology and, particularly, notion of discursive strategies, to elicit implicit patterns of meanings that underlie suggestions of Russian official authorities who make and transform notion of Russian software products. In the case of Russian software we distinguish four main discursive strategies: the security (the Russian software as benign for Russian governmental and commercial spheres), the geopolitics (the Russian software as non-western software, at least non-American, as the continuing of the geopolitical interests of Russia), the protectionism (the Russian software as unpopular to the comparison of the foreign software, which needs to be supported by the financial and administrative measures), the efficiency (the Russian software as a generic and that is ruled by the common market laws). In the end of the article we shows as with the course of time after the legal shaping of the notion and after the creation of the Russian software registry the role of the Government is increasing, the hard measured excelled the soft, the range of controllable actors is evolving, the technical expertise is closing as well as the whole process of assessment of the Russian software, and, finally, the discursive strategies of protectionism and the security are prevalent.

Keywords: Russian software, governmentality, discursive strategies, Russian officials, Russian software registry, technological policy.

References

- Bardhan A., Kroll C. (2006) Competitiveness and an emerging sector: The Russian software industry and its global linkages. *Industry and Innovation*, 13(1): 69–95.
- Beteva N.V. (2011) Vvedenie v problematiku upravleniteta [Introduction to the topic of Governmentality]. *Gramota*, 8: 32–34 (in Russian).
- Biagioli M., Lepinay V. (eds.) (2019) *From Russia with Codes: programming migrations in Post-Soviet times*. Durham: Duke University Press (forthcoming).
- Brennitz D. (2007) Industrial R&D as a national policy: Horizontal technology policies and industry-state co-evolution in the growth of the Israeli software industry. *Research Policy*, 36 (9): 1465–1482.
- Carvalho A. (2005) Representing the politics of the greenhouse effect: Discursive strategies in the British media. *Critical Discourse Studies*, 2(1): 1–29.
- Dean M. (2016) *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh* [Governmentality. Power and Rule in Modern Society.] Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo", RANKhiGS (in Russian).
- Fasold R. W. (1990) *The sociolinguistics of language*. Oxford: Blackwell Pub.
- Foucault M. (2003) Pravitel'stvennost' (ideya gosudarstvennogo interesa i ee genesis) [The governmentality (idea of the state interest and its genesis)]. *Logos*, 39(4–5): 4–22 (in Russian).
- Gaaze K.B. (2016) Rukopisnoe pis'mo kak praktika rossijskoj pravitel'nosti [Handwriting as a Practice of Russian Governmentality]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 28(4): 104–131 (in Russian).
- Garrido M.V. (2015) Contesting a biopolitics of information and communications: The importance of truth and sousveillance after Snowden. *Surveillance & Society*, 13(2): 153–167.
- Grundey M., Heeks R. (1998) *Romania's hardware and software industry: Building IT policy and capabilities in a transitional economy*. Institute for Development Policy and Management, University of Manchester [http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/nispacee/unpan015536.pdf] (accessed: 22.07.2018).
- Gurin O. (2016) Praktika primeneniya postanovleniya Pravitel'stva RF ot 16.11.2015 № 1236: peredovaya liniya importozameshcheniya [The practice of implementation of the Government decree of Russia from 16.11.2015 № 1236: the avanguard of the import substitution]. *Auktsionnyy Vestnik* [Auction Bulletin], 303(08.253): 1–2 (in Russian).
- Gurinskaya A.L. (2014) Neoliberal'naja ugolovnaja politika: bezopasnost', privatizacija i rol' gosudarstva [Neo-liberal criminal policy: security, privatization and the role of the state]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political studies], 1–2: 13–39 (in Russian).
- Henman P. (2010) Social Policy and Information Communication Technologies. In: Martin J., Hawkins L. (eds.) *Information Communication Technologies for Human Services Education and Delivery: Concepts and Cases*. USA: Information Science Reference: 215–229.
- Jaworski A., Coupland N. (eds.) (1999) *The Discourse Reader*. London; New York: Routledge.

Kani M., Motohashi K. (2011) Does pro-patent policy spur innovation? A case of software industry in Japan. In: *Technology Management Conference (ITMC)*. San Jose, California USA: IEEE International: 739–744.

Khestanov R. (2009) Liberal'noe pravitel'stvo: tekhnologii upravlenija [Liberal government: management technologies]. *Pushkin*, 3: 129–138 (in Russian).

Leclercq-Vandelannoitte A., Emmanuel B. (2018) From sovereign IT governance to liberal IT governmentality? A Foucauldian analogy. *European Journal of Information Systems*, 27(3): 326–346.

McKee K. (2009) Post-Foucauldian governmentality: What does it offer critical social policy analysis? *Critical social policy*, 29(3): 465–486.

Meyer M., Wodak R. (2009) Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. In: Meyer M., Wodak R. (eds.) *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage Publications: 1–33.

Mishra S., Chin A.G. (2008) Assessing the Impact of Governmental Regulations on the IT Industry: A Neo Institutional Theory Perspective. In: Subramanian R. (ed.) *Computer Security, Privacy and Politics: Current Issues, Challenges and Solutions*. USA: IRM Press: 36–54.

Rose N. (2008) Upravlenie "razvitymi" liberal'nymi demokratiyami ["Governing „Advanced” Liberal Democracies"] *Logos*, 69(6): 191–216 (in Russian).

Rudnev J.V. (2015) Dva tela Foucault (oчерk sovremenного sostojanija Foucault Studies) [Two bodies of Foucault (an outline of the current state of Foucault Studies)]. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki "Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz"* [Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics "Politia. Analysis. Chronicle. Forecast"], 79(4): 48–68 (in Russian).

Schwartz R. (1987) Software industry development in the Third World: Policy guidelines, institutional options, and constraints. *World Development*, 15(10–11): 1249–1267.

Tao Z. (2010) On fiscal policies for improving the independent innovation ability of IT industry in China. In: *Future Information Technology and Management Engineering (FITME)*. Leicestershire, United Kingdom: IEEE International: 342–344.